

В ЗВЁЗДНЫЙ МИР ИЗ СВОЕГО ПРЕДЕЛА

В стихах Александра Казинцева сформирована проблематика индивидуального мировоззрения, которое направлено за границы собственного литературно-художественного познания. Этой действительности помогают устойчивые взгляды на мир, идеалы и принципы, устремлённые к воплощению через поступки. По моему мнению, совершенным действием в стихах Казинцева является желание установить диалог со всем, что окружает поэта, но и этот диалог по своей сути является частью теоцентричного мышления.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Памяти отца

Что на тело смотришь ты, душа,
сторожишь пустую оболочку,
в памяти события вороша,
теребя имён и лиц цепочку?

Каково тебе сидеть одной
в зале с голым светом посредине,
в страшной невесомости земной,
в кафельной сверкающей пустыне?

А над толщей сводов и палат,
там, куда крыла твои воздеты,
зимние созвездия горят
и, пылая, движутся планеты.

И о чём-то ангелы поют –
ты ещё не поняла ни слова,
ты, томясь и сокрушаясь, тут
вся во власти языка земного.

Ты ещё не поднимаешь взор,
ты ещё сидишь осиротело,
не решаясь вознестись в простор,
в звёздный мир из своего предела.

ИОВ

Спасибо, что помог душе разоблачиться, –
она теперь Твоя, как никогда,
она теперь свободна, словно птица,
не знающая на земле труда.

Что мне богатство, что мои чертоги,
что шёпот уваженья за спиной!
В пыли сiju я посреди дороги,
зато теперь Ты, Господи, со мной.

Так где же милосердьё и пощада –
без передышки с проклятого дня,
как будто бы лавина камнепада,
несчастья покатались на меня.

За что Твой гнев – ищи пути кривые
и вырви изолгавшийся язык.
Ты покажи, где согрешил впервые
и где уже к обману я привык.

Не отворачивайся, подожди немного,
пусть крючкотворы хоть пятно найдут.
А если – нет, я вызываю Бога
истцом на справедливый суд.

Я не боюсь губительного грома –
и так уж через силу я живу.
Я пеплом мной построенного дома
посыплю отягчённую главу.

Ты возложи вину как Дар Небесный,
и я легко сойду под кров земной.
Глаза мои слепит огонь отвесный,
до неба вставший прямо предо мной.

* * *

Сразу после чёрных льдин в апреле
или в майской пене надувной –
каждый раз в конце Страстной недели
землю странный обжигает зной.

Это к нам доносится донныне
и над нами властвует тогда
прокалённый над песком пустыни
алчный воздух Страшного Суда.

И на глаз дряхлеют мостовые,
и пугает выпуклость земли –
будто бы наросты вековые
с грунта первозданного сползли.

Мы по кремню мощному шагаем,
кубы света обтекаем мы,
как холмы в долине за Синаем,
вздыблены московские холмы.

Всё пространство в Иудею сжато
и таким в столетья внедрено –
двое суток с ночи до заката
ничего иного не дано.

...Дверь во тьму нагретую открыта,
гомон посетителей ночных.
И служанка сонная сердито
говорит: а вон один из них!

Вот ходи, а ноги загудели,
сторонись от памятливых глаз.
Не к кому стучаться в Иудее,
вся Москва безлюдна в этот час.

* * *

Я не могу остановить ресницы,
глаза и волосы. Но я могу
запрятать вглубь исписанной страницы
дрожащий талый воздух на снегу.

Я запихну весь разворот пространства,
деревьев щётки и полёты птиц,
чтоб сохранить навеки постоянство
застывших в этом воздухе ресниц.

Ты так далеко, ты за город целый,
за жизнь – свою, которая родней,
за провода троллейбусов, за белый
предсмертный снег с газонов площадей.

Жизнь подступает чёрною весною,
и даль перегоревшая грустна.
И вот она стоит передо мною,
как чудеса, тревожная весна.

* * *

Холодный снег и белое вино.
Огромное раздетое окно
отчёркнуто прозрачной занавеской.
И свет в кафе большой, холодный, резкий.

«Онегина старинная тоска».
Чужая сигарета у виска
чужого. И так страшно одинок
карабкается в высоту дымок.

Ну что же, так вот в немоте сидеть,
в пролом в стене через стакан глядеть,
где напоролась на февраль зима,
где корчатся горбатые дома.

* * *

Я впущу в себя звуки дождя,
тёплого, шепелявящего по пыли...
Лето оглядывается, уходя, –
были ли дни эти долгие? Были.
Были без края и без конца,
сотканы из белоснежной вискозы,
дни, славословящие Творца,
где на осоке повисли стрекозы,
где над рекою завесою ив
стлалась прохладная зелень уремы,
где за деревней, как дальний разрыв, –
грохот белоголового грома.
Там, где в испарине блещущих тел,
в острых песчинках слепящего кварца,
полдень июльский грозою кипел,
с ширью земной не хотел расставаться.

МОЕЙ ЖЕНЕ

День стоит за окном, словно куб световой,
к сердцевине мутнея от тяжести света.
Медногорло, насадно сияя листвою,
проплывает бульваром московское лето.

Громоздятся дома за открытым окном,
в синеве, опустевшей без птичьего свиста.
Крутогорбые липы в чаду выхлопном
напоследок мерцают корой золотистой.
Воздух выпит дождями. Нет, всё впереди,
ничего, ничего ещё не изменилось –
где-то к северу землю полощут дожди
и метут под подошвы древесную гнилость.
Ничего не изменится, слово даю –
не пойдёт под уклон равноденствие это.
Будет света с избытком в полдневном раю –
целый город из камня, деревьев и света.

* * *

Сколько тут домов снесли под один замах,
лишь проплешины земли – память о домах.
Взялся поздний снегопад выбелить дотла
пустоту, где год назад жизнь своя текла.
Паром дверь заволокло – вход по одному –
застоялое тепло плещется в доме.
Газовых конфорок пыл, жар кухонных ссор.
А какой тут запах плыл за окно во двор!
Коридорной лампы свет жалко оголён.
На стене велосипед косо закреплён.
В белом воздухе пустом в двадцать пять венцов
выситя снесённый дом без своих жильцов.
Словно струи сквозь золу, в землю, в корни трав,
все они ушли во мглу, слова не сказав.